

Лауреат Всесоюзного конкурса артистов цирка Отар Ратиани:

«НЕ ВЕРЬТЕ В МОИ ЧУДЕСА»

...Чудеса начинаются сразу, с первых же минут представления. В полутиме на арене появляются чьи-то медленно ступающие ноги в светящихся башмаках; руки в светящихся перчатках быстро, в такт музыке врашают сверкающие зонтики... И руки и ноги движутся синхронно, но будто существуют сами по себе, не являясь частью одного человеческого тела.

...Клоуны просят Невидимку дать им автограф. И лежащая на столе авторучка вдруг «сама» поднимается и, удерживаемая невидимкой рукой, начинает быстро строчить надписи.

...В душевную кабину Невидимка входит одетый. Кабина хорошо освещена изнутри. И сквозь ее матовые стекла мы отчетливо видим — под одеждой оказывается... ничто. И когда, минуту спустя, дверца «сама» открывается, глазам нашим представляется удивительная картина: в кабине никого, только горка одежды... Но Невидимка здесь, на манеже. Вы слышите, как он шлепает босиком по полу, оставляя на нем превосходно видимые мокрые следы ног.

(Из рекламного проспекта).

РЕКЛАМА делает свое дело. Не верю, как и вы, ни в какие чудеса, а на встречу с Ратиани шел в ожидании: прикоснусь к чему-то загадочному, необъяснимому... Но оказалось, Ратиани-то в жизни нет. Фамилия волшебника наших дней Белоусов. Отар Белоусов. Ратиани — псевдоним.

...Дело на арене не клялось. А может, так и должно быть во время самых первых репетиций, когда приехавшие артисты, местный оркестр и осветители должны создать единый яркий цирковой спектакль. Но пока... Клоуны говорили не те реплики, оркестр не вовремя играл марш, осветители не то, что надо освещали. Ликвидировать этот хаос должен был человек, сидящий в первом ряду. Микрофон делал его голос громовым, жестким. Но когда я сел рядом с Белоусовым (это он командовал парадом), оказалось, Отар Александрович вполне спокоен, в неплохом расположении духа и даже находит удовлетворение в этой хлопотливой режиссерской работе. Время от времени, не выдержав, он вскакивал, выбегал на арену — показывал, как надо сделать то или другое. Возвращаясь, негромко бормотал:

«Жаль, жаль, времени не хватает. Можно было бы лучше сдаться». Через несколько минут перестали быть загадкой и это спокойствие Белоусова, и его радостное удовлетворение происходящим на арене. Оказывается, Белоусов, человек в общем-то немолодой, уже многие годы работает в цирке. Еще недавно он был хорошо известен как автор и основной исполнитель интересного номера — «Жонглеры на билларде».

— Что же заставило вас поменять цирковую специальность? — задаю я Белоусову первый вопрос.

— Видите ли, цирк любит все необычное, фантастичное. В цирке всегда преобладают номера оригинальные, захватывающие зрителя. И вот в течение пятнадцати лет, выступая на арене совсем не в иллюзионном номере, я искал какую-то новую форму фокуса. И однажды, перечитывая роман Герберта Уэллса «Человек-Невидимка», задумался: а нельзя ли показать человека-Невидимку на манеже цирка? Когда начал всерьез раздумывать над этим, оказалось — кое-что из задуманного сделать возможно. Но для того, чтобы осуществить это, нужны были определенные технические знания. И мне пришлось вновь учиться, обратиться к физике, механике, к электронике, радиотехнике... Пришлось собрать вокруг себя умельцев, которые мне помогли в создании этого аттракциона.

— И когда вы вышли на арену уже в роли иллюзиониста?

— В Ростове я буду отмечать четырехлетие своего аттракциона. Премьера его состоялась 13 октября 1967 года в Ярославском цирке. День этот стал праздником не только работников искусств, но и многих рабочих, инженеров, техников предприятий города, вложивших немало сил, энергии и творческой выдумки в создание нового яркого произведения циркового искусства. Там же, в Ярославле, я подобрал и своих технических помощников — тех, кто своим заинтересованным отношением к делу обеспечивает бесперебойную, успешную работу сложной аппаратуры аттракциона. Это Владимир Красильников, Игорь Петров, Виктор Галдев... После Ярославля мы побывали в Киеве, Ленинграде, выступали на мно-

гих других крупнейших цирковых аренах страны. В Ростове будем выступать впервые.

— По вашим словам выходят, что вы иллюзионист. Но я знаю, что вы не любите так называть себя...

— Да, на афишах написано, что наш номер — аттракцион. Но правильнее было бы называть его театрализованным представлением, где фокус не является самоцелью. Мы как бы шутим вместе со зрителями, развлекаем их. Мы не хотим заставить зрителя верить в таинство, волшебство, которое происходит на манеже. Мы не пугаем зрителя неожиданными трюками. Стремимся осторожно, с юмором подать ему наши «чудеса». Чтобы это было смешно, любопытно в то же время, чтобы зрители спрашивали друг друга: «Как же это делается?» Вот и выходит, что правильно назвать номер Ратиани фантастико-развлекательной цирковой программой.

— Если не секрет, на чем же основаны ваши «чудеса»?

— А я и не скрываю этого. Номер основан на новейших достижениях радиоэлектроники, телемеханики, кибернетики... Мы привезли с собой четыре вагона различной аппаратуры. Обслуживают ее во время представления около тридцати человек, многие из них — инженеры.

— Следовательно, ваш номер идет в ногу со временем?

— Так и должно быть. Причем не только с иллюзионными номерами. Цирк — это искусство молодое, живое, радостное, несущее людям бодрость, хорошее настроение. И ради этого все в цирке неустанно движется вперед. У нас говорят: «В течение трех месяцев не внес в номер ничего нового — отстал от других». Вот поэтому мы постоянно совершенствуем Невидимку. После своего рождения он научился делать еще двенадцать трюков. Сейчас готовим тридцатый.

— Увидят ли его ростовчане?

— Да, очевидно, это произойдет в вашем городе. Невидимка перебежит арену. Один из преследующих его клоунов выстрелил из бутафорского пистолета и «ранит» моего фантастического героя. Но когда тут же к упавшему Невидимке приблизятся врачи, они поднимут с арены лишь одежду — «человек» опять исчезнет, чтобы тво-

рить новые «чудеса».

— Как вы относитесь к другим мастерам этого нелегкого дела?

— Только с уважением и пониманием того, что опять-таки все изменяется. Был Киро, создавший очень интересный иллюзионный аттракцион. После него, я считаю — не с художественной точки зрения, а с точки зрения поиска — Сокол и Шаг, применившие уже что-то техническое в своих аттракционах. Тут уже были и робот, и сад, расцветавший на глазах. Работала техника, использовались современные постановочные средства, чего не было в аттракционах раньше. Мы ставили перед собой задачу создать еще что-то более современное. И мне кажется, что мы этого сумели достичь. Но как ни грустно, знаю, что пройдет время, и кто-то опередит нас...

— Перед кем легче выступать — перед детьми или взрослыми?

— Конечно, перед взрослыми. Они зачастую не обращают внимания на детали, следят за главным. Дети более внимательны, подмечают любую неполадку...

— А что, бывает — техника подводит?

— Нет, техника как раз еще не подводила нас. Но что-то бывает сделано неряшливо, где-то получается акцент не на том, на чем хотелось бы; дети все это видят. И, выступая перед ними, я особенно «бдителен».

— Труд циркового артиста специфичен. Ведь, по сути дела, вы не отыкаете вечерами, да и дни с утра заняты бесконечными репетициями. Скажите честно: не угнетает ли такой напряженный ритм жизни?

— А вы не отделяете труд от жизни. И тогда все станет на свои места. Я с радостью выхожу на арену, с удовольствием репетирую — готовлю новые номера. И другого не хотел бы!

ЗНАЕТЕ, я верю в эти слова. Когда мы уже попрощались и сразу, словно и не было нашей беседы, Белоусов-Ратиани занялся режиссерскими делами, и нему подошел один из помощников, составлявший план репетиции на завтра. Помню, Ратиани в ответ на его вопрос, в двенадцать или в час начнется репетиция, ответил: «Приходите в час, а с двенадцати я сам дополнительную репетицию...».

В. Дядюшенко.